

лении их со словом «желтый»: «Аксинья рукавом размазала желтую пахучую пыль» (II, 79), «Пригибаясь, забралась в самую гущу, намазала лицо золотистой цветочной пылью» (II, 79), «Пашня в золотистой щетине скошенных хлебов...» (IV, 279), «Желтую щетину жнивья перебирал ветер» (II, 340).

Хотя и «золотой» и «золотистый» имеют ярко выраженную положительную экспрессию, М. Шолохов употребляет эти названия цвета и тогда, когда положительных эмоций они ни у героев, ни у читателей не вызывают: «Заметил (Григорий) еще, что на правой щеке, пониже скулы, лепится коричневая родинка, а на родинке два золотистых волоска, и от этого почему-то стало мутно» (II, 102), «... из-под пенсне его нервно помигивали короткие золотистые ресницы» (III, 20); близкое к «золотому» употребление «серебряный» и «серебристый», которые всегда придают положительную экспрессию предложению: «На траве серебряной парчю лежала густая роса» (V, 465), «Под ярким апрельским солнцем серебряной чешуей сверкала вода» (V, 429), «... и прибрежный лес, как в сказке, весь покрыт серебристой парчю тумана» (V, 62).

Слово «розовый» в качественном значении «похожий цветом на розу» в романе имеет широкие смысловые связи и употребляется с различными существительными.

В некоторых сочетаниях оно не вызывает положительных эмоций, порой даже вызывает чувство страха и отвращения: «Под животом Жаркова дымилась, отгивая нежно-розовым и голубым, выпущенные кишки» (II, 375), «На тугой стоячий воротник набегают жирные складки розовой кожи» (V, 105).

При описании природы розовый цвет, определяющий метафорическое существительное, всегда положительно эмоционален: «розовое кружево вспенившегося над ветром тумана» (V, 12), «розовый батист пыли» (III, 146), «розовый костер зари» (IV, 136).

Цветовой эпитет «вишневый» характеризует только человека: вишневые губы, вишневый румянец. Со словом «румянец» вишневый цвет имеет отрицательно-эмоциональное значение (обусловленное контекстом): «Обрюзгшее лицо старухи было спокойно, губы строго поджаты, но вдруг как-то сразу на смуглых скулах ее проступил вишневый румянец, и мелко задражила веки» (V, 302).

В предложении «Она сразу узнала его, плотнее сжимала вишневые губы» (III, 82) контекст не «заражает» экспрессией цветовой прилагательное, а само цветообозначение придает предложению некоторую выразительность.

Малиновый цвет эмоционально-экспрессивен только при описаниях природы: «Малиновой кровью просвечивал пышнотелый краснотал» (IV, 89), «Тогда, бывало, едут с поля, прикрытые малиновой полою вечерней зари» (II, 133). Характеризуя человека, одежду, он почти нейтрален: «...малиновая сборчатая юбка» (III, 277).

Большая часть относительных прилагательных, развивших цветное значение (бронзовый, изумрудный, каштановый, васильковый, фиштакковый, абрикосовый, малахитовый, стальной, рубиновый, защитный, кровавый, оливковый, кумачный, перламутровый, дымчатый, пепельный, ореховый, охровый, опаловый, жемчужный, кирпичный, аквамариновый, коралловый), употребляется в языке в сочетании только с определенными семантическими группами существительных. Фиштакковый встречается преимущественно с существительными, обозначающими ткани и изделия из них, васильковый — при определении цвета глаз и тканей, бронзовый — только как определение кожи человека и т. п.

М. Шолохов расширяет семантические связи этих слов.

Так, цветообозначение «бронзовый» переносится им на природу: «Затуманенный и далекий взгляд Корнилова бродил где-то за Днепром, по ложбинистым увалам, искромсанным бронзовой прожелтенью луговины» (III,